

ВАРИАНТЫ МОТИВА ИСКУПЛЕНИЯ ГРЕХОВ:
ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ НЕКРАСОВСКОГО СЮЖЕТА
О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

Н.А. Непомнящих (Новосибирск)

Сюжет о двух великих грешниках в русской литературе и культуре существует в двух вариантах. Первый – сюжет некрасовской «Легенды о двух великих грешниках» имеет источником фольклорную легенду, где один из грешников убивает другого, еще большего грешника, и тем самым заслуживает у Бога прощения. Второй – сокращенный, переделанный в песню текст Некрасова, где вместо двух великих грешников остается один, раскаявшийся в монастыре. По своему смыслу эти варианты противоположны: второй проповедует христианское раскаяние и смирение ради искупления грехов, первый же, напротив, говорит о бунте и убийстве как единственном средстве спасения и имеет революционный / социальный подтекст. Однако в исследовательской литературе не всегда различаются эти два варианта сюжета, цель работы – разграничить оба варианта и проанализировать их функционирование. Некрасовский сюжет был подробно исследован в 1920-1960 годы. Вторая версия сюжета о раскаявшемся грешнике рассмотрена М.Н. Климовой в книге «От протопопа Аввакума до Фёдора Абрамова жития грешных святых в русской литературе» (2003). Сравнительный и мотивный анализ позволяют сделать вывод, что сюжет в его полной форме в XX веке использовал А.И. Куприн в рассказе «Демир-Кая: восточная легенда» (1906). Сокращенная версия сюжета, известная по песне в исполнении Федора Шаляпина, могла оказать влияние как на трактовку образа Степана Разина у Василия Шукшина, так и в целом на концепцию его фильма «Странные люди» (1969). Оригинальный вариант

сюжета, не совпадающий ни с полной, ни с сокращенной версией обнаруживается в рассказе Л.М. Леонова «Деяния Азлазивона» (1921). Таким образом, при анализе этого сюжета в каждом конкретном случае требуется исследования его возможных источников с учетом разницы между двумя названными вариантами.

Сибирский филологический форум, 2020, № 3 –С. 4–14

VARIANTS OF THE SIN ATONEMENT MOTIF:
ON THE LIFE OF NEKRASOV'S PLOT ABOUT A GREAT SINNER
IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE XX CENTURY
N.A. Nepomnyashchikh (Novosibirsk)

Problem statement. There are two versions of the plot about two great sinners in the Russian literature and culture. The first version is Nekrasov's one, based upon a folk tale, in which one sinner killed the other and earned God's pardon for this. The second version is the same Nekrasov's text, shortened and transformed into a song in which only one great sinner remains. Instead of committing a murder, he repented in a monastery. The versions express the opposite positions. The second one preaches such Christian virtues as repentance and humility. On the contrary, the first version shows that one can achieve salvation only by rebellion and murder. It has a revolutionary/ social connotation.

The purpose of the article. These two versions of the plot are not always distinguished in the research literature. The purpose of the article is to draw a distinction between the versions and to analyze their functioning.

Review of scientific literature on the problem. Nekrasov's plot was thoroughly studied in 1920s-1960s. M.N. Klimova examined the second version in her book *Ot protopopa Avvakuma do Fiedora Abramova: Zhitiya greshnykh sviatykh v russkoi literature (From the archpriest Avvakum to Theodore Abramov: hagiography of the sinful saints in the Russian literature)*, 2003.

Methodology and research results. The comparative method along with the motif analysis leads to the conclusion that the full version of the plot was used by A. Kuprin in *Demir-Kaya: Vostochnaya legenda (Demir-Kaya)*, 1906. The shortened version, widely known as the song performed by F. Chaliapin, could affect Stepan Razin's image created by V. Shukshin in his film as well as the concept of the *Strannyie liudi (Strange people)* film (1969). The unique version of the plot, which differs from both full and short versions, is discovered in L.M. Leonov's *Deianiya Azlazivona*, 1921.

Conclusion. When analyzing the plot, one should identify the possible sources of the plot on the basis of the differences of two versions mentioned above.

Siberian philological forum, 2020, № 3 –p. 4–14

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ-«ДЕРЕВЕНЩИКОВ»

В КРИТИКЕ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

Е.А. Андреева (Красноярск, Россия)

Проза писателей-«деревенщиков» занимает особое место в литературно-критическом дискурсе «Сибирских огней». Большую часть статей, посвященных В. Астафьеву, В. Шукшину, В. Абрамову, занимают литературные портреты, в которых представлен взгляд критика на жизненный путь и личность рассматриваемого автора. Литературно-критический дискурс о современной традиционалистской прозе становился объектом внимания Е. Добренко, И. Чеканниковой, Л. Соколовой, однако вопрос о ее рецепции в региональных изданиях остается неизученным. Цель данной статьи – проанализировать представленные на страницах «Сибирских огней» литературные портреты, выявить устойчивый комплекс мотивов или элементов образа, встроенных в сюжет о писателе. Материалом для исследования послужили статьи, опубликованные в период с 1986-го по 2010-е годы. Методологическую базу составляют работы Ю. Говорухиной, М. Берга, представляющие литературно-критический дискурс как властный, в котором одной из ключевых задач критика является убеждение читателя в истинности своих суждений и формирование определенной картины мира в сознании адресата.

В ходе исследования были сделаны следующие выводы. В творчестве писателей-«деревенщиков» реализуются основные ценностные установки дискурса «Сибирских огней»: сохранение национальных и культурных традиций, провозглашение нравственных принципов, интерес к человеку «естественному», сакрализация образа Сибири, провинции. Главной задачей критиков журнала является формирование положительной установки на восприятие писателей-традиционалистов второй половины XX века. Основу литературных портретов составляют, как правило, воспоминания современников или самого критика. В описании жизненного пути или образа писателя-«деревенщика» можно выделить устойчивые доминирующие элементы. Это мотив преодоления жизненных

трудностей, предначертанности писательского пути, неразрывной связи с малой родиной; ключевыми элементами образа становятся стойкость духа, трудолюбие, героизм, избранность, исключительность, близость народу. Писатели-«деревенщики» зачастую предстают как спасители в ситуации глобального культурного кризиса, в то время как их прозе отводится функция хранителя национальных мифов и сакрального пространства русской деревни.

Сибирский филологический форум, 2020, № 3 –С. 15-25

LITERARY PORTRAITS OF VILLAGE PROSE WRITERS IN THE CRITICISM OF THE MAGAZINE *SIBIRSKIYE OJNI*

(E.A. Andreeva, Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The prose of the “village prose” writers occupies a special place in the literary and critical discourse of the *Sibirskiye Ojni*. Most of the articles devoted to V. Astafiev, V. Shukshin, V. Abramov are literary portraits, which present the critic’s view of the life and personality of the author in question. The literary and critical discourse on contemporary traditionalist prose became the object of attention by E. Dobrenko, I. Chekannikova, L. Sokolova, but the question of its reception in “thick” regional publications remains unexplored.

The purpose of this article is to analyze the literary portraits presented on the pages of the *Sibirskiye Ojni*, to reveal a stable complex of motives or image elements embedded in the plot about the writer. The material included articles published in the period from 1986 to 2010. *The methodological base* is formed by the works of Yu. Govorukhina, M. Berg, representing literary and critical discourse as imperious, in which one of the key tasks of the critic is to convince the reader of the truth of his judgments and to form a certain picture of the world in the addressee.

Research results. The main values of the *Sibirskiye Ojni* discourse are realized in the works of the “village prose” writers: preservation of national and

cultural traditions, proclamation of moral principles, interest in the “natural” man, the sacralization of the image of Siberia and the province. The main task of the magazine’s critics is to form a positive attitude towards the perception of traditionalist writers of the second half of the 20th century. The basis of literary portraits, as a rule, are the memoirs of contemporaries or the critic himself, as well as letters. In the description of the life path or image of the “village prose” writer, stable dominant elements can be distinguished. This is the motive for overcoming life’s difficulties, the predestination of the writer’s path, the inextricable connection with the small homeland; the key elements of the image are fortitude, heroism, hard work, exclusivity, and closeness to the people. Village writers often appear as saviors in a situation of global cultural crisis, while their prose is assigned the function of the keeper of national myths and the sacred space of the Russian countryside.

Siberian philological forum, 2020, № 3 –p. 15-25

ЛЕОНИД БОРОДИН: К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Н.С. Цветова (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация. В статье на фоне споров об исторической судьбе, культуре и литературе Сибири второй половины XX века рассматривается повесть Л.И. Бородина «Третья правда», в которой с наибольшей очевидностью отразилась творческая индивидуальность Л. Бородина. Автор предпринимает попытку целостного прочтения «Третьей правды» с привлечением актуальных методик мифопоэтического анализа. Внимание сосредоточено на смысле названия, на ключевых художественных концептах и персонажном ряду Рябинин — Селиванов — Оболенские. Подробно исследуется поэтика имени ключевых персонажей, художественное пространство, которое им принадлежит. Базовым назван онтологически важный для писателей-сибиряков художественный концепт *тайга*, позволяющий транслировать характерное отношение к природе. В ассоциативном поле концепта выявляются слова, обладающие аксиологической семантикой. Автор приходит к следующим выводам: Л. Бородину удалось зафиксировать во взаимоотношениях ключевых персонажей приближающееся завершение героического этапа национальной истории; удалось показать в судьбе Селиванова отражение трагизма новой, «городской» реальности, подавляющей национально-исторические инстинкты, деформирующей аксиологические основы бытия; эстетическая реальность, созданная в этой повести, отвечает представлению о традиционных художественных системах, отличается таким масштабом и характером предложенных обобщений, которые позволяют понять и оценить современный цивилизационный выбор.

LEONID BORODIN: TO THE PROBLEM OF CREATIVE INDIVIDUALITY

Tsvetova N. S. (Saint-Petersburg, Russia)

In the article, L. I. Borodin's novel *The Third Truth* is considered against the background of disputes about the historical fate, culture and literature of Siberia in the second half of the twentieth century. The author attempts a holistic reading of *The Third Truth* using current methods of mythopoetic analysis. Attention is focused on the meaning of the name, on the key artistic concepts and the character series Ryabinin — Selivanov — the Obolenskiye. The poetics of the names of key characters and the artistic space that belongs to them are studied in detail. The basic concept is called the taiga, which is ontologically important for Siberian writers, and allows them to convey a characteristic attitude to nature. In the associative field of the concept, words with axiological semantics are identified. The author comes to the following conclusions: L. Borodin managed to fix the approaching end of the heroic stage of national history in the relationships of key characters; he managed to show in Selivanov's fate the reflection of the tragedy of the new "urban" reality, which suppresses national and historical instincts and deforms the axiological foundations of existence; the place of this story in the literary biography of L. Borodin is determined by the uniqueness of the created aesthetic reality that corresponds to the idea of traditional artistic systems, but most importantly — the scale and nature of generalizations that characterize the modern civilizational choice.

Siberian philological forum, 2020, № 3 –p. 26-38

*Творчество Д.А. Пригова в зеркале современных исследований.
К 80-летию со дня рождения писателя*

БЕСТИАРИЙ: НЕО-ВАРВАРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СТРАТЕГИЙ

Дж. Далла Бонта (Виченца, Италия)

В контексте смелого, длиною в жизнь проекта Дмитрия Александровича Пригова ясно прослеживается энциклопедическая перспектива, выраженная в различных подходах, языках и методологиях на протяжении всей творческой карьеры художника. «Бестиарии» Пригова не только отклоняются от традиционного пути энциклопедической генеалогии, они являются не только прототипом поздних, более ярко выраженных таксономических проектов, но также выступают в качестве отсылки к “проекту длиною в жизнь”. Наша задача – показать, что серия «Бестиарии» не только является исследованием русского культурного пространства, но что это и есть концепт антропологии Пригова, от начала истории культуры до наших дней в постсоветской и даже в постгуманистической перспективе, таким образом, утверждающий себя в качестве прото-энциклопедии его Новой Антропологии.

В процессе исследования применялись методы теоретического и общепhilosophического анализа (системный метод, анализ, аналогия, синтез), включая анализ текстов, интервью и художественной деятельности Пригова. Социологические методы служат и базисом построения выводов, основной подход отталкивается от семиотической и постструктуралистской точек зрения, таких как теория культуры Юрия Лотмана, философия Джорджо Агамбена и Жоржа Батая.

Таким образом, мы стремились подчеркнуть важность «Бестиариев» в представлении теории культурной эволюции Дмитрия Пригова и его “новой антропологии”, обращаясь к этой серии с позиции визуального вывода его новой антропологической системы.

BESTIARIES: A NEOBARBARIC ENCYCLOPEDIA OF STRATEGIES

G. Dalla Bontà (Vicenza, Italy)

In the context of Dmitry Alexandrovich Prigov's audacious "lifelong" project, an encyclopedic perspective can be traced quite clearly through various approaches, languages and methodologies throughout the artist's creative career. Prigov's Bestiaries not only deviate from the traditional path of encyclopedic genealogy; they are the prototype of later, more pronounced taxonomic projects, and even act as a reference to what he called his "lifelong project". Our task is to show how the Bestiaries series is not only a study of the Russian cultural space, but is also the very concept of Prigov's anthropology from the beginning of the history of culture to the present day in a post-Soviet and even post-human perspective, thus asserting itself as a proto-encyclopedia of his New Anthropology.

In the process of researching, methods such as theoretical, general philosophical analyses (systemic method, analysis, analogy, synthesis) were used, including the analysis of texts, interviews and artistic production of Prigov. The sociological methods are also taken as the basis for drawing conclusions and the main approach moves from a semiotic and poststructuralist point of view, especially the theory of culture of Yuri Lotman, the philosophy of Giorgio Agamben and George Bataille. Thus, we have outlined the importance of the "Bestaries" in presenting the theory of cultural evolution of Dmitry Prigov and his "new anthropology", referring to this series on the role of the visual conclusion of his new anthropological system.

Стратегии актуальной словесности

НА ФОНЕ ЖИВОПИСИ ЭРМИТАЖА: ТРИ ЗАМЕТКИ К ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ ФИЛИПОВА

А.В. Марков (Москва, Россия)

Поэзия Василия Филиппова сложна для интерпретации из-за особенностей построения лирического сюжета и лирической позиции и близости аутсайдерскому искусству. Подробная интерпретация трех стихотворений поэта 1980-х годов показывает, как внешние впечатления (посещение Эрмитажа, чтение новостей, чтение Самиздата) трансформируются в осмысление строения современной культуры. Филиппов показывает особую заинтересованность в материи реальности, в том, как устроена материальная сторона событий, что позволяет ему выстроить сюжет как скрытый диалог и даже спор о путях развития лирической поэзии. В статье доказывается, что в одном из рассмотренных стихотворений сюжет о посещении Эрмитажа и встрече с другим поэтом позволяет по-новому концептуализировать технику и технологии в искусстве. В другом стихотворении история покушения на «Даная» Рембрандта превращается в эсхатологическую концепцию предназначения Петербурга для мировой культуры. В третьем стихотворении опыт чтения машинописного журнала превращается в то, что даже пользование этой рукописью свидетельствует об избранничестве поэта. Таким образом, поэзия Филиппова представляет собой поэзию метаморфоз, в которой отдельные впечатления от окружающего мира осмысляются как телесные знаки миссии поэта, они считаются как необходимое страдание произведений искусства как телесное страдание культуры, так что только поэт как причастный метафизической стихии может спасти и материальный мир. Такое экологическое понимание миссии литературы было в духе эпохи, но у Филиппова оно диалогично, а не монологично.

**AGAINST THE BACKGROUND OF HERMITAGE: THREE NOTES
ON VASILY FILIPPOV'S POETRY**

A.V. Markov (Moscow, Russia)

The poetry of Vasily Filippov is difficult to interpret due to the peculiarities of constructing a lyrical plot and lyrical position, and proximity to outsider art. A detailed interpretation of the poet's three poems from the 1980s shows how external impressions (visiting the Hermitage, reading the news, reading samizdat) are transformed into an understanding of the structure of new culture. Filippov shows a special interest in the matter of reality, in how the material side of events is arranged, which allows him to build the plot as a hidden dialogue and even a dispute about the ways of developing lyric poetry. The article proves that in one of the considered poems, the plot of a visit to the Hermitage and a meeting with another poet allowed to conceptualize technique and technology in art in a new way. In another poem, the story of the vandal destruction of Rembrandt's «Danae» was transformed into an eschatological concept of St. Petersburg's destiny for world culture. In the third poem, the experience of reading a typewritten magazine turns into the fact that even the use of this manuscript testifies to the chosenness of the poet. Thus, Filippov's poetry was the poetry of metamorphosis, in which individual impressions from the surrounding world were interpreted as bodily signs of the poet's mission, they were read as the necessary suffering of works of art as culture-framed body suffering, so that only the poet, as a participant in the metaphysical element, can save the material world. Such an ecological understanding of the mission of literature was actual in the 1980s, but in Filippov's works it was dialogical not declarative.

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО».

И.С. Букал (Красноярск, Россия)

Постановка проблемы и цель. Людмила Евгеньевна Улицкая – один из наиболее читаемых современных российских авторов. Произведения Л. Улицкой популярны не только в России, но и в других странах мира, они вызывают неподдельный исследовательский интерес и в кругу профессионалов-филологов. В настоящее время насчитывается более двух десятков диссертационных исследований, множество обзорных глав в монографиях, а также научных статей, посвященных анализу произведений автора. Особенно отмечены критикой повести «Сонечка», «Веселые похороны», «Сквозная линия»; сборники рассказов «Бедные родственники», «Девочки», «Дар нерукотворный»; романы «Искренне ваш Шурик», «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер». Роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» остается наименее изученным текстом автора. В предлагаемой статье данный роман анализируется с позиции нарратологии, рассматривается влияние нарративных стратегий на рецепцию авторского текста. Опорой исследования явились труды В. Тюпы, Ю. Лотмана, Н. Лейдермана, М. Липовецкого.

Методологией исследования стали историко-культурный и структурно-типологический подходы.

Предмет исследования – специфика реализации нарративных стратегий в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого».

Результаты исследования. На основании анализа романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» показано, как нарративная стратегия произведения влияет на его потенциальную рецепцию. Опираясь на концепцию В. Тюпы, определившего нарративную стратегию как совокупность трех равнозначных оснований (нарративной картина мира, нарративная модальность, нарративная интрига), мы выявили изменения, которые претерпевает

нарративная стратегия по ходу развития сюжета, и как данные изменения сказываются на поэтике романа, его аксиологическом наполнении.

Заключение. Нарративную стратегию, при помощи которой организовано повествование романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», можно определить как «стратегию слова горизонта читательских ожиданий». Многократная смена нарративной инстанции оборачивается многообразием точек зрения, создает ощущение призрачности, эфемерности происходящего и побуждает читателя к самостоятельному поиску истины. Смыслы романа не находятся в прямой зависимости от событийной хронологии. Фрагменты повествования расположены инверсивно, сегментарно, так, чтобы их соположение способствовало наиболее полному пониманию содержания. Нарративы, представленные в романе, актуализируют «онтологическую интригу», основанную на репрезентации индивидуальных мифопоэтических моделей и раскрывающую сюжет постижения истины и предназначения личности.

Сибирский филологический форум, 2020, № 3 –С. 65-75

NARRATIVE STRATEGIES IN L. ULITSKAYA'S NOVEL *THE KUKOTSKY ENIGMA*

I.S. Bukal (Krasnoyarsk, Russia)

Problem statement and goal. Lyudmila Ulitskaya is one of the most widely read contemporary Russian authors. L. Ulitskaya's works are popular not only in Russia, but also in other countries. They arouse genuine research interest both among literary critics and linguists. Currently, there are more than two dozen dissertations, many review chapters in monographs, as well as scientific articles devoted to the analysis of such works of the author as novellas *Sonechka*, *The Funeral Party*, *Women's Lies*; collections of short stories *Poor Relatives*, *Girls*, *Gift not made with hands*; novels *Sincerely your Shurik*, *Medea and Her Children*,

Daniel Stein, Interpreter, The Big Green Tent. L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma* remains the least studied text of the author. In this article, the content of this novel is analyzed for narratology. The researcher reflects on one of the topical literary problems: the influence of narrative strategies on the reception of the author's text. The research was based on the works by V. Tyupa, Yu. Lotman, N. Leiderman, and M. Lipovetsky.

The research methodology is based on historical-cultural and structural-typological approaches. The subject of the research is the specifics of the implementation of narrative strategies in L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma*.

Research result. Based on the analysis of L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma*, it is shown how the narrative strategy of the work affects its potential reception. Based on the concept by V. Tyupa, who defined the narrative strategy as a set of three equivalent bases (the narrative picture of the world, the narrative modality, and the narrative intrigue), the researcher identifies the changes that the narrative strategy undergoes in the course of the plot development, notes how these changes affect the poetics of the novel and its axiological content.

Conclusion. The narrative strategy by which the narrative of the novel in question is organized can be defined as "the strategy of breaking the horizon of readers' expectations". Multiple changes in the narrative instance fill the work with a variety of points of view, creates a sense of ghostly, ephemeral events, and encourages the reader to independently search for the truth. The content of the novel is not directly dependent on the chronology of events. Fragments of the story are arranged inversely, segmentally, so that their juxtaposition contributes to the fullest understanding of the content. The narratives presented in the novel actualize the "ontological intrigue", based on the representation of individual mythopoetic models and revealing the plot of comprehension of truth and purpose.

**ДВА ПСЕВДОЕВАНГЕЛИЯ:
ВАРИАНТЫ ПРОФАНИЗАЦИИ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА**

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Интертекстуальность выражается в разных формах, одной из наиболее распространённых среди них выступает пародия. Объектом пародирования обычно становятся высокопрецедентные произведения, так как комический эффект искажения их привычного облика оказывается легко предсказуемым и доступным широкой аудитории.

Закономерно, что публичному вниманию часто предлагаются пародийные варианты канонических конфессиональных текстов, фундаментальных для какой-либо религии. В таких случаях реализуется инверсия универсальной оппозиции *сакральное/профанное*, а резонансный результат достигается, как правило, за счёт использования при изложении константного сюжета жанрово-стилистически гетерогенных для него языковых единиц.

В качестве примеров подобных пародий рассматриваются два параевангелия. Одно написано Д.Бедным в 1925 г., другое – М.Шильманом в 1990 г. В обоих случаях авторы применяют приём передачи общеизвестных фабульных ходов и их персонажей с помощью лексико-фразеологических средств, чуждых церковнославянской стихии.

Однако предполагаемые интенции литераторов заметно различаются. Д.Бедный – активный участник антирелигиозной кампании первых советских лет, исполнитель государственного агитационного заказа; М.Шильман – очевидный приспешник пропагандистских операций так называемой перестройки, нацеленных на разрушение государства. Атеистические мероприятия предназначались для замены православной религии

коммунистической идеологией; перестроечно-реформаторские манипуляции предполагали уничтожение сакральных ценностей вообще.

Проведённое исследование позволяет заключить, что во многом внешне сходные модификации основополагающих религиозных текстов несомненно отличаются друг от друга индуцируемыми импульсами общественного сознания.

Сибирский филологический форум, 2020, № 3 –С. 76-88

TWO PSEUDO-GOSPELS: VERSIONS OF SACRAL TEXT PROFANIZATION

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Intertextuality is expressed in different forms, one of the most common among them is parody. The object of parody usually becomes high-law works, as the comic effect of distorting their usual appearance turns out to be easily predictable and accessible to a wide audience.

It is natural that public attention is often offered parody versions of canonical confessional texts fundamental to any religion. In such cases, the inversion of universal opposition is realized sacral/profiled, and the resonance result is achieved, as a rule, by using genre-stylistically heterogeneous language units for it in the presentation of the constant plot.

Two paraevangelia are considered as examples of such parodies. One written by D. Bedny in 1925, the other by M. Schilman in 1990. In both cases, the authors apply the reception of the transmission of well-known fabular moves and their characters by lexico-phraseological means alien to the Church Slavic element.

However, the supposed intences of the writers vary markedly. D. Bedny is an active participant of the anti-religious campaign of the first Soviet years, executor of the state campaign order; M. Schilman is an obvious henchman of propaganda operations of so-called restructuring aimed at destroying the state. Atheistic events

were intended to replace Orthodox religion with communist ideology; Reconstruction and reform manipulations involved the destruction of sacred values in general.

The study leads to the conclusion that, in many ways, similar modifications of fundamental religious texts are undoubtedly different from each other by inducible impulses of public consciousness.

Siberian philological forum, 2020, № 3 –p. 76-88

ДОМ КАК СИМВОЛ ДОМА: РУССКОЯЗЫЧНЫЕ В ФИНЛЯНДИИ

Е. Ю. Протасова (Хельсинки, Финляндия)

К. Л. Резник (Вантаа, Финляндия)

Русскоязычные жители Финляндии составляют менее двух процентов населения, но достаточно заметны в его составе. Среди них потомки так называемых «старых русских», живших здесь еще до революции, финны-репатрианты и ингерманландские финны, супруги граждан Финляндии, лица, приехавшие в связи с работой или учебой. Хотя обретение жилища является обычно не целью, а следствием переезда за границу, для беженцев оно также может быть утешением, нахождением пристанища, для эмигрантов – этапом вживания в незнакомые условия, которые следует адаптировать под себя. Новое окружение следует постепенно подчинить своим привычкам, желаниям, идеалам. Памятные вещи оказываются важным мостиком между прошлым и будущим, восстанавливающим связь времен. Полный отказ от предыдущего существования, от сложившейся ранее идентичности невозможен. Статья исследует символическую привязанность к материальной стороне дома, сохранение самобытности и интеграцию в принимающее общество, опираясь на метод тематического анализа дискурса. Участники фокус-групп и интервью, авторы эссе – русскоязычные жители Финляндии различного этнического происхождения, в основном в возрасте около 20 лет (и не более 30). Они еще достаточно молоды для того, чтобы успеть накопить много вещей, помнить о жизни в русскоязычном окружении (они прибыли из разных мест бывшего СССР). Тем не менее, им важны фотографии предков, доставшиеся от друзей и родных украшения, сувениры и какие-то предметы, передающиеся по наследству. Заметно, что они еще находятся под влиянием традиций семьи, но начинают строить свое микропространство, которое несет в себе некоторые признаки русскости и по мере взросления будет насыщаться смыслами, говорящими о все более сложной личности их хозяев.

HOME AS A SYMBOL OF HOME: RUSSIAN SPEAKERS IN FINLAND

E. Y. Protassova (Helsinki, Finland)

K. L. Reznik (Vantaa, Finland)

Russian-speaking people in Finland make up less than two percent of the population, but are quite visible in its composition. Among them are descendants of so-called “old Russians” who lived here before the revolution, Finnish returnees and Ingermanland Finns, spouses of Finnish citizens, persons who came to work or study. Although the acquisition of housing is usually not the purpose, but the consequence of moving abroad, for refugees it can also be a consolation, a shelter, and for emigrants, it is a stage of getting used to unfamiliar conditions that should be adapted for themselves. The new environment should gradually be put under control in what concerns their habits, desires, ideals. The memorable things prove to be an important bridge between the past and the future, restoring the connection of times. A complete rejection of the previous existence, of the earlier established identity is impossible. The article explores symbolic attachment to the material side of the home, preservation of identity, and integration into the host society, drawing on the method of thematic analysis of discourse. Participants of focus groups, interviewees, and authors of essays are Russian-speaking residents of Finland of different ethnic backgrounds, mainly at the age of about 20 (and not more than 30). They are still young enough and cannot have accumulated lots of things, they are not able to remember well enough the life in Russian-speaking surroundings (they came from different places of the former USSR). Nevertheless, they care about photos of ancestors, objects obtained from friends and family jewelry, souvenirs and items, which they have inherited. It is noticeable that they are still influenced by the traditions of the family, but begin to build their micro-space, which carries some signs of Russianness. As they grow older, it will be saturated with meanings that speak of the increasingly complex personality of their owners.

